

И.Е. Суриков

ТРАГЕДИЯ ЭСХИЛА «ПРОСИТЕЛЬНИЦЫ» И ПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА В АФИНАХ*

Трагедия «Просительницы» (*Ἰκέτιδες*)¹ в отечественном антиковедении и по сей день, как правило, по традиции признается самым ранним из дошедших до нас произведений Эсхила, а следовательно – древнейшим полностью сохранившимся памятником античного театрального искусства (при этом конкретная датировка драмы колеблется от 490-х до 470-х годов до н.э.)². Соответственно, в русских изданиях Эсхила эта трагедия всегда идет первой, в обзорах его творчества речь о ней тоже заходит в первую очередь, и т.д. Основанием для столь ранней датировки «Просительниц» служат постулируемые специалистами «архаичные черты» структуры и стиля драмы: большая роль хоровых партий, очень простой сюжет, статичный характер действия и др. Однако нельзя не заметить, что предлагаемые критерии являются, во-первых, достаточно субъективными; во-вторых, не могут иметь решающей силы. Действительно, если исходить из этих критериев, то, например, самым ранним произведением Софокла пришлось бы признать трагедию «Эдип в Колоне», сюжет которой тоже весьма прост, а действие разворачивается предельно статично. Тем не менее «Эдип в Колоне», как известно, был не первой, а напротив, последней из софокловских драм.

Следует сказать, что в западной историографии ранней датировки «Просительниц» на сегодняшний день практически никто уже не придерживается. Причиной пересмотра хронологии стала публикация в 1952 г. оксиринхского папируса (Р. Оху. XX. 2256, fr. 3) с дидаскалией, сообщающей о постановке и победе тетралогии Эсхила, в которую, кроме упомянутых «Просительниц», входили также несохранившиеся трагедии «Египтяне», «Данаиды» и сатировская драма «Амимона»³. Из дидаскалии

* Работа выполнена при поддержке РГНФ (код проекта 00-01-00208а).

¹ Другой вариант перевода названия этого произведения – «Умоляющие» – кажется нам менее удачным, поскольку он не передает родовой характеристики соответствующей греческой лексемы. Строго говоря, абсолютно адекватный русский перевод слов *ikētis*, *ikētis* вообще вряд ли возможен. Ближе всего передать смысл заглавия эсхилевской драмы можно было бы, пожалуй, лишь с помощью распространенной конструкции («Женщины, молящие о защите и убежище в святилище»), но это, конечно, слишком громоздко. Об обычае гикетии в греческом мире см. *Cook A.B.* *Zeus: A Study in Ancient Religion*. V. 2. Cambr., 1925. P. 1093–1101; *Schlesinger E.* *Die griechische Asylie*. Giessen, 1933. S. 33–52; *Gould J.* *Hiketia* // *JHS*. 1973. 93. P. 74–103; *Суриков И.Е.* Из истории греческой аристократии позднеархаической и раннеклассической эпох. М., 2000. С. 121 слл.; об индоевропейских корнях термина и явления см. *Бенвенист Э.* *Словарь индоевропейских социальных терминов*. М., 1995. С. 385–387.

² Несколько примеров: *Тронский И.М.* Оксиринхская дидаскалия к тетралогии Эсхила о Данаидах (Ох. Рар. 2256. fr. 3) // ВДИ. 1957. № 2. С. 146–159; *он же.* История античной литературы. 5-е изд. М., 1988. С. 117; *Лосев А.Ф.* Эсхил // *Античная литература*. 2-е изд. М., 1973. С. 105; *Чистякова Н.А., Вулик Н.В.* История античной литературы. 2-е изд. М., 1971. С. 108; *Ярхо В.Н.* Эсхил. М., 1958. С. 68; *он же.* Примечания // *Эсхил. Трагедии*. М., 1989. С. 524.

³ Обычно считается, что «Просительницы» были первой драмой этой тетралогии. Впрочем, существует и мнение, согласно которому указанная трагедия занимала в ней второе место, после «Египтян»: *Rösler W.* *Danaos à propos des dangers de l'amour* (Eschyle, Supplantes, 991 sq.) // *Pallas*. 1992. 38. P. 173–178. Для тематики нашей статьи этот вопрос не имеет принципиального значения.

обнаружился ранее неизвестный факт: второй после Эсхила приз на драматических состязаниях достался Софоклу! Это влекло за собой неизбежное следствие: интересующая нас здесь трагедия могла быть написана и поставлена только в 460-е годы до н.э., поскольку ранее этого времени Софокл еще не появлялся на афинской сцене, а более поздняя дата исключена по обстоятельствам биографии Эсхила⁴. Таким образом, «Просительницы» заведомо оказываются отнюдь не самым ранним из эсхилевских произведений. Правда, неоднократно предпринимались попытки отстоять традиционную датировку с помощью предположения, что в дидакалии речь идет о посмертной постановке «Просительниц» во второй половине V в. до н.э. При этом одни исследователи полагают, что такая посмертная постановка была повторной⁵, другие же – что тетралогия о Данаидах по тем или иным причинам не дошла до сцены при жизни автора и стала достоянием публики лишь после его кончины⁶. Однако все гипотезы подобного рода представляются маловероятными, поскольку не основываются на убедительной для всех аргументации⁷.

Можно даже со значительной долей уверенности говорить о годе, в который тетралогия Эсхила о Данаидах была представлена на суд публики в афинском театре Диониса. Дело в том, что в новонайденной дидакалии, как и положено, содержалось имя эпонимного архонта. Оно, правда, было серьезно испорчено в папирусном тексте, и читается только ΕΠΙ ΑΡΙ, но этого вполне достаточно. Можно, конечно, реконструировать строку как ἐπὶ ἄρχοντος τοῦ δεῖνους, что ничего не дает. Однако уже обращалось внимание на то обстоятельство, что в дидакалиях к другим эсхилевским драмам непосредственно после предлога ἐπὶ всегда идет имя архонта без обозначения должности⁸. В таком случае не остается сомнений, что первая строка интересующей нас дидакалии должна быть восстановлена как ἐπὶ Ἀρχεδημίδου (Архедемид – архонт 464/3 г. до н.э.). Других эпонимных архонтов с именами на Ἀρ- в 460-х годах до н.э. не было. Иными словами, в связи с «Просительницами» с наибольшей долей уверенности следует говорить о Великих Дионисиях 463 г.

Насколько удовлетворяет такой датировке содержание драмы? Решая этот вопрос, следует помнить о том, что аттическая трагедия V в. до н.э. была глубоко проникнута актуальной политической проблематикой, насыщена аллюзиями на конкретные события общественной жизни (хотя, естественно, события эти чаще всего претворялись в мифологические образы) и воспринималась самими афинянами в контексте

⁴ По поводу пересмотра датировки тетралогии о Данаидах см., в частности: Lesky A. Die Datierung der Hiketiden und der Tragiker Mesatos // Hermes. 1954. 82. 1. S. 1–13; Lloyd-Jones H. The «Suppliants» of Aeschylus: The New Date and Old Problems // L'Antiquité classique. 1964. 33. 2. P. 356–374; O'Neil J.L. The Exile of Themistokles and Democracy in the Peloponnese // CQ. 1981. 31. 2. P. 342; Meier Chr. Politik und Tragödie im 5. Jahrhundert // Philologus. 1991. 135. 1. S. 80; Kritzas Ch.B. Aspects de la vie politique et économique d'Argos au Ve siècle avant J.-C. // Polydipsion Argos: Argos de la fin des palais mycéniens à la constitution de l'État classique. P., 1992. P. 240; Robinson E.W. The First Democracies: Early Popular Government outside Athens. Stuttgart, 1997. P. 46–47.

⁵ Тронский. Оксиринхская дидакалия... С. 159; Ярко. Эсхил. С. 68. Действительно, драмы Эсхила ставились и после его смерти, причем участвовали в общем конкурсе (Philostrat. Vita Apoll. VI. 11). Однако не следует забывать о том, что все дошедшие до нас дидакалии относятся именно к первым, а не к каким-либо повторным постановкам: Wolff E.A. The Date of Aeschylus' Danaid Tetralogy // Eranos. 1958. 56. 3/4. P. 119.

⁶ Например: Diamantopoulos A. The Danaid Tetralogy of Aeschylus // JHS. 1957. 77. 2. P. 220–229. В этой статье выдвигается следующая гипотеза: тетралогия была написана Эсхилом в 493 г. до н.э., в архонство Фемистокла, но по политическим причинам не могла быть тогда поставлена, поскольку к власти вскоре пришла группировка Мильтиада. В результате постановка «Данаид» стала возможна лишь во времена Эфиальта. Ср. Wolff. Op. cit. – автор высказывает во многом сходное мнение: «Просительницы» были написаны в начале V в. до н.э., но впоследствии, возможно, переработаны самим же Эсхилом, уже на закате его творческой карьеры. Подобного рода построения, безусловно, стройны и даже красивы, но при этом не имеют под собой сколь-нибудь веских оснований. Их следует признать не более, чем изощренными попытками любой ценой спасти традиционную хронологию.

⁷ Ср. Lloyd-Jones. Op. cit. P. 356.

⁸ Lesky. Op. cit. S. 5.

политической борьбы⁹. Трагический жанр становился, таким образом, непосредственным фактором афинской политики. С этой точки зрения нам и надлежит посмотреть на «Просительниц»: ассоциации и реминисценции какого рода оказываются в ней преобладающими?

Интересующее нас произведение может быть по своей сюжетной специфике отнесено к стоящей в известной мере особняком группе трагедий, главным событием которых является просьба неких лиц, подвергающихся обиде, о защите или убежище (гикетия) и последующее исполнение этой просьбы. К означенной группе могут быть причислены, кроме «Просительниц», «Эвмениды» того же Эсхила, а также «Эдип в Колоне» Софокла, «Гераклиды» и «Просительницы» Еврипида¹⁰. Начинается драма с того, что сорок дочерей царя Данаа, сопровождаемые им самим, бегут из Африки в Грецию, не желая вступать в брак со своими двоюродными братьями – сыновьями Египта¹¹. Прибыв в Арголиду и остановившись в одном из святилищ близ Аргоса, они, держа в руках обвитые шерстью оливковые ветви – знак гикетии, молят жителей города спасти их от преследующих женихов. На зов Данаид из Аргоса приходит царь Пеласг. Тут же, кстати, выясняется, что он – не только правитель Аргολиды, но и владыка весьма обширных земель в Элладе (Aeschyl. Suppl. 254 sqq.)¹².

Я всей землей на запад от священных струй
Стримона правлю; и перребов области
В своих держу пределах, и за Пиндом край,
Пэонам смежный, и Додону горную;
А за горою царства грань – волна морей.
Все земли те и дале – под моей рукой.

Пеласг испытывает сострадание к Данаидам и готов им помочь. Однако он сразу и однозначно предупреждает, что решения в Аргосе принимает не царь, а народ (Suppl. 367 sqq.):

Пусть весь народ помыслит, как от зла уйти.
А я поруки крепкой вам ни в чем не дам,
Пока всех граждан (ἀποῖς δὲ πᾶσι) не услышу мнения.

Данаиды пытаются убедить Пеласга в том, что он – верховный властитель и вовсе не обязан считаться с кем-либо (Suppl. 370 sqq.). Однако царь непреклонен (Suppl. 398 sq.):

Сказал: решенья не приму – хотя бы смел, –
Не выслушав народа.

⁹ См. Суриков И.Б. Афинский ареопаг в первой половине V в. до н.э. // ВДИ. 1995. № 1. С. 37; он же. Аттическая трагедия и политическая борьба в Афинах // Античный вестник (Омск). 1999. Вып. 4–5. С. 188–189; Vickers M. Alcibiades on Stage: Thesmophoriazusae and Helen // Historia. 1989. 38. 1. P. 64–65. Наиболее подробно о политической проблематике аттической трагедии см. Meier Chr. Die politische Kunst der griechischen Tragödie. Dresden, 1988. Специально об Эсхиле в данной связи: Podlecki A.J. The Political Background of Aeschylean Tragedy. Ann Arbor, 1966.

¹⁰ Сюжетные элементы, связанные с гикетией, присутствуют и в некоторых других сохранившихся трагедиях (еврипидовские «Андромаха», «Елена», «Ион»), но играют в них второстепенную роль.

¹¹ Стоит уделить внимание одному немаловажному обстоятельству. Не следует считать, что эсхилевские Данаиды отвергают притязания Египтиадов именно по причине близкого родства. Браки между родственниками (двоюродными братом и сестрой, дядей и племянницей) были в Греции и, в частности, в Афинах вполне обычным делом и даже скорее поощрялись, чем порицались (ср. в том числе и в интересующей нас здесь трагедии: Aeschyl. Suppl. 338, 387 sqq.). Похоже, героини Эсхила принципиально не хотят вступать в брак, избрав судьбу девственниц (ibid. 143, 392 sqq.).

¹² Цитаты из «Просительниц» здесь и далее приводятся в переводе Вяч. Иванова и Адр. Пиотровского по изданию: Эсхил. Трагедии. М., 1989. Греческий текст цитируется по изданию: Aeschyl. tragoediae / Ed. G. Murray. 2nd ed. Oxfr., 1960.

Однако в конечном счете все разрешается благополучно для африканских беглянок. Данай выступает в аргосском народном собрании, Пеласг своей речью поддерживает его просьбу, и до Данаид доносится радостная весть (Suppl. 600 sq.):

...Радостные приняты
Народом полномочные решения
(δῆμον δέδοκται παυτέλῃ ψφίσματα).

В ответ на вопросы девушек, в которых мы встречаем характерное упоминание «державной руки народа» (δῆμον κρατοῦσα χεῖρ, Suppl. 604)¹³, их отец приводит детали (Suppl. 605 sqq.):

Голосовал единодушно Аргос весь...
Бесчисленные руки (πανδημία γάρ χερσί) рассекли эфир
И силу дали добром у решению:
Дано нам поселиться (μετοικεῖν) в этом городе
Свободными и неприкосновенными...
Глашатая не ожидая, весь народ
Аргосский руки поднял за царем. Так быть!
Речей поддались силе, складно сложенных,
Пеласгов люди.

И в дальнейшем по ходу драмы в различных контекстах неоднократно (Suppl. 640, 644, 739, 943, 965) упоминается решение народа (ψῆφος). После песни хора, прославляющей, помимо прочего, демократические институты (Suppl. 630 sqq.), на сцене появляется новое действующее лицо – египетский вестник, требующий от Пеласга выдать Данаид. Однако царь Аргоса решительно отказывается сделать это, ссылаясь на постановление демоса (Suppl. 942 sqq.):

Единодушно принято решение
Народом силой стаю этих девушек
Не выдавать!

Пеласга не смущает даже угроза вестника объявить войну. Египтянин уходит ни с чем, а Данаиды торжественно препровождаются в общественные здания (δῶματα δῆμα, Suppl. 957) Аргоса. На этом трагедия заканчивается.

Прежде чем перейти к дальнейшему изложению, необходимо сделать одну немаловажную оговорку. Независимо от того, где происходило действие аттических трагедий (будь то Микены, Фивы или Аргос, как в «Просительницах»), их авторы всегда имели в виду афинские реалии современной им эпохи. Это положение можно было бы проиллюстрировать большим количеством примеров. Но достаточно вспомнить, что сцена чумы в Фивах, которой открывается «Эдип-царь» Софокла, представляет собой реминисценцию афинской эпидемии в начале Пелопоннесской войны¹⁴, а, скажем, описанные в «Оресте» Еврипида дебаты в аргосском народном собрании (Eur. Or.

¹³ Э. Робинсон (Op. cit. P. 46) с полным основанием видит в этом выражении прямой парафраз понятия «демократия», хотя сам термин δημοκρατία в тексте «Просительниц» не встречается. Ср. также Aeschyl. Suppl. 699 – τὸ δάσιν, τὸ πτόλιν κρατύνει: опять сближение корней δημ- и крат-. «Просительницы» оказываются самым ранним из дошедших до нас античных нарративных памятников, где речь идет о демократии! По поводу аллюзий на демократию в этой трагедии см. также: Ehrenberg V. Polis und Imperium. Zürich, 1965. S. 266–274.

¹⁴ Об афинских реминисценциях в «Эдипе-царе» см. Macurdy G.H. References to Thucydides, Son of Melesias, and to Pericles in Sophocles OT 863–910 // CPh. 1942. 37. 3. P. 307–310; Whitman C.H. Sophocles: A Study of Heroic Humanism. Cambr. Mass., 1951. P. 135–136; Ehrenberg V. Sophocles and Pericles. Oxf., 1954. P. 114–116; Schachermeyr F. Sophokles und perikleische Politik // Perikles und seine Zeit. Darmstadt, 1979. S. 359–378; Kagan D. Pericles of Athens and the Birth of Democracy. N.Y., 1991. P. 249–256; Fornara Ch.W., Samons L.J. Athens from Cleisthenes to Pericles. Berkeley, 1991. P. 2; Giuliani A. Atene e l'oracolo delfico // Contributi dell'Istituto di storia antica (Milano). 1993. 19. P. 90–92.

866 sqq.) выглядят не чем иным, как живой картинкой заседания афинской экклесии. Иными словами, «Просительницы» Эсхила, строго говоря, не имеют прямого отношения к Аргосу, хотя их действие вроде бы и разворачивается в этом городе: под ахейским Аргосом всегда нужно понимать Афины первой половины V в. до н.э.¹⁵

А теперь подчеркнем тот факт, который, следует думать, уже был замечен читателями данной работы: в высшей степени значительное и, без преувеличения, определяющее место в анализируемой нами драме занимает проблематика, связанная с демократией. Перед зрителями «Просительниц» предстал демократический полис (кстати говоря, являющийся центром обширной державы), решающий все сколько-нибудь важные государственные дела в народном собрании путем голосования (χεῖροτονία, ψῆφος) и выступающий защитником слабых, обиженных и гонимых. А ведь именно такой имидж целенаправленно (и во многом справедливо) создавали себе Афины на протяжении практически всей классической эпохи.

Демократическая тема, красной нитью проходящая через трагедию «Просительницы», на наш взгляд, не оставляет места для сомнений при решении вопроса о времени ее написания и постановки. Это должны быть именно 460-е годы, а никак не предшествующие десятилетия. Первые тридцать лет V в. до н.э. проходили в Афинах под знаком совсем иной проблематики, связанной в первую очередь с Греко-персидскими войнами. Именно такого рода сюжеты являются доминирующими и на театральной сцене этого периода. Достаточно вспомнить о «Персах» того же Эсхила (472 г. до н.э.), а также о произведениях его старшего современника Фриниха. Драмы Фриниха не сохранились, однако известно, что самые прославленные из них – «Взятие Милета» (492 г. до н.э.) и «Финикиянки» (476 г. до н.э.) целиком посвящены «персидской» тематике¹⁶.

В течение 460-х годов ситуация серьезно изменяется. Персидская опасность уже позади, и на первый план выходят внутривосполненные дела. Начинается идеологическая подготовка ряда важных политических преобразований, которые были начаты реформой ареопага, имевшей место в 462 г. до н.э. и связываемой с именем Эфиалта, а продолжены в 450-х годах Периклом¹⁷. В своей совокупности эти преобразования привели к весьма значительной демократизации афинского полиса. Не приходится сомневаться, что вокруг плана реформ происходила интенсивная борьба в общественном мнении, в ходе которой поднимались и вопросы более общего порядка, в том числе о природе и сущности демократического правления. В контексте этих дебатов и следует рассматривать трагедию «Просительницы».

Необходимо отметить, что позиция драматурга в этом произведении представляется вполне однозначной: он выступает решительным сторонником демократии. «Просительницы» выглядят развернутым панегириком народовластию. Это чрезвычайно существенно для выявления политических взглядов Эсхила. Дело в том, что в отечественной историографии авторитетна точка зрения, согласно которой первый из триады великих афинских трагедиографов был в целом выразителем интересов традиционно настроенных аристократических кругов, не слишком довольных нарастанием демократических элементов в государственном устройстве¹⁸. Автору этих строк уже не раз приходилось полемизировать с этим мнением¹⁹, указывая, что ближе

¹⁵ Хотя в Аргосе в V в. до н.э. тоже было демократическое правление: *Cauer F. Argolis* // RE. 1896. Bd 2. Sp. 728 ff.; *Lambrinoudakis V.K. Argolida: Archaeological Sites and Museums. Athens, s.a.* P. 70; *Kritzas. Op. cit.* P. 234; *Robinson. Op. cit.* P. 82–88.

¹⁶ См. *O'Neill E. Note on Phrynichus' Phoenissae and Aeschylus' Persae* // CPh. 1942. 37. 4. P. 425–427; *Суриков. Аттическая трагедия...* С. 189–190.

¹⁷ О совокупности этих преобразований см. *Суриков. Из истории греческой аристократии...* С. 24–26.

¹⁸ *Лурье С.Я. Политическая тенденция трагедии «Евмениды»* // ВДИ. 1958. № 3. С. 42–54; *он же. «Скованный Прометей» Эсхила и афинская демократия* // Античное общество. М., 1967. С. 291–300; *Радциг С.И. К вопросу о политической тенденции Эсхила в «Евменидах»* // ВДИ. 1968. № 2. С. 29–41; *Коршуников В.А. Эсхил и Ареопаг* // Вестник ЛГУ. 1989. Сер. 2. Вып. 2 (№ 9). С. 95–98.

¹⁹ См. наши работы, указанные в прим. 9.

к истине стоят те исследователи (в основном западные), которые считают Эсхила приверженцем Перикла²⁰. Драматург и политик были в течение долгого времени связаны самыми тесными отношениями. Уже при постановке эсхилиовских «Персов» в 472 г. до н.э. молодой Перикл исполнял обязанности хорега²¹. Трагедия «Семеро против Фив» (единственная сохранившаяся часть тетралогии «Фиваида», поставленной в 467 г. до н.э.), согласно весьма импонирующей нам гипотезе Л. Поуста²², имела одной из своих целей оказание поддержки Периклу, подвергавшемуся в начале своей политической карьеры нападкам противников в связи с родовым проклятием Алкмеонидов. Для решения этой задачи Эсхил прибегал к излюбленному аттической трагедией средству – созданию такого литературного образа героя (в данном случае Этеокла), который вызывал бы у зрителей ассоциации с конкретным афинским политическим деятелем²³. Наконец, поставленная в 458 г. тетралогия Эсхила «Орестея» (и в особенности входившая в нее трагедия «Эвмениды») содержала в себе отклик на злободневную тему реформы ареопага, причем отклик в высшей степени благоприятный для политики Перикла. Прославляющие демократию «Просительницы» прекрасно укладываются в этот ряд.

Хотелось бы привлечь внимание к одному интересному и даже парадоксальному обстоятельству. Изображая демократический полис, драматург при этом сохраняет значительное место и для его правителя Пеласга, который оказывается фактически «первым гражданином», с помощью искусно составленных речей убеждающим сограждан в народном собрании принять то или иное решение. Демократия и царь – этот, казалось бы, странный симбиоз, тем не менее, нередок в памятниках греческой трагедии V в. до н.э., посвященных политической проблематике. В «Гераклидах» и «Просительницах» Еврипида, в очень позднем «Эдипе в Колоне» Софокла обнаруживается точно такая же картина: царь, выступающий главным защитником демократического устройства, восхваляющий блага демократии, сознательно исполняющий всем своим правлением волю демоса.

Насколько можно судить, перед нами – отражение парадигмы, весьма характерной для афинской политической мысли V (но уже не IV) века до н.э. и сводящейся к тому, что народовластием отнюдь не противоречит наличие в полисе некоего «первого мужа», «первого гражданина», простата, – иными словами, наиболее влиятельного лица. Эта парадигма весьма ясно прослеживается, например, у Фукидида, который, слагая самый блестящий из когда-либо существовавших энкомиев афинской демократии («надгробную речь Перикла»), тем не менее не упускает случая заметить, что на деле-то демократическое правление выливалось во власть одного человека (Thuc. II. 65.9). Аристотель в «Афинской политике» (28.2), суммируя историю демократических Афин на протяжении большей части V в. до н.э., видит в ней, по сути дела, не что иное, как череду сменявших друг друга «простатов». Характерно, что, говоря о современной ему афинской демократии, никаких простатов он уже не упоминает: условия политической жизни сильно изменились²⁴.

²⁰ Smertenko C.M. The Political Sympathies of Aeschylus // JHS. 1932. 52. 2. P. 233–235; Mazzarino S. Eschilo. Pericle e la storia dell'Areopago // Rivista di cultura classica e medioevale. 1960. 2. 3. P. 300–306; Gülke Chr. Mythos und Zeitgeschichte bei Aischylos. Meisenheim am Glan. 1969. S. 23 ff.; Macleod C.W. Politics and the Oresteia // JHS. 1982. 102. P. 124–144; Wallace R.W. The Areopagos Council, to 307 B.C. Baltimore, 1989. P. 87–93.

²¹ О возможных обстоятельствах этой хорегии см. Суриков И.Е. Перикл и Алкмеониды // ВДИ. 1997. № 4. С. 23; он же. Ксантипп, отец Перикла: Штрихи к политической биографии // ПИФК. 2000. Вып. 8. С. 106.

²² Post L.A. The Seven against Thebes as Propaganda for Pericles // Classical Weekly. 1950. 44. 4. P. 49–52.

²³ Другой персонаж трагедии «Семеро против Фив» – Амфиарай – был воспринят афинскими зрителями как аллюзия на Аристиду (Plut. Aristid. 3). Аналогичным приемом пользовались и другие афинские драматурги. Наиболее известный пример – «Эдип-царь» Софокла, где в образе заглавного героя выведен опять же Перикл (см. работы, указанные в прим. 14).

²⁴ О переменах в политической жизни демократических Афин между V и IV вв. до н.э. см. прежде всего работы К. Моссе: Mossé C. De l'ostracisme aux procès politiques: le fonctionnement de la vie politique à Athènes // Istituto universitario orientale (Napoli). Annali. Sezione di archeologia e storia antica. 1985. 7. P. 9–18; eadem.

Описанная парадигма, на наш взгляд, достаточно верно отражает реалии первого длительного отрезка истории афинской демократии (от ее установления в конце VI в. до н.э. до Пелопоннесской войны). В течение практически всего этого времени демократическому правлению действительно сопутствовало особо влиятельное положение одного из политиков – Клисфена, Мильтиада, Ксантиппа, Фемистокла, Аристиды, Кимона и, наконец, Перикла²⁵. Конечно, это влияние простата не имело какой-либо институциональной основы, а опиралось на прочную, уходящую корнями в архаическую эпоху традицию²⁶. На мифологическом уровне «парадигма простата» находила воплощение в первую очередь, бесспорно, в фигуре Тесея – царя, «основавшего», по утверждению ряда источников (Theophr. Char. 26.6; Plut. Thes. 24–25; Schol. Aristoph. Plut. 627; Suid. s.v. Θησεῖος), афинскую демократию.

Здесь мы выходим на одну из самых важных для нас проблем, связанных с «Просительницами». В упоминавшихся выше трагедиях других авторов, сходных с эсхиловской драмой по структуре и тематике, изображающих преданного демократии монарха, этим монархом является, как правило, именно Тесей. Так обстоит дело в «Эдипе в Колоне» Софокла и в «Просительницах» Еврипида. Еще в одной еврипидовской трагедии – «Гераклидах» – аналогичная роль достается сыну Тесея Демофону, фактически выступающему просто в роли «заместителя» отца, который по хронологическим соображениям не мог быть введен в фабулу соответствующего мифа. Иными словами, обращение к образу Тесея оказывалось более чем естественным для афинских трагедиографов, когда они желали воспеть демократию на обычном для них мифологическом материале.

Почему же Эсхил, руководствующийся такими же намерениями, не воспользовался этой очевидной возможностью, а предпочел вывести на сцену такую маргинальную фигуру греческой мифологии, как Пеласг? Дело отнюдь не в том, что мифы о Тесее к 460-м годам до н.э. еще не получили в Афинах широкого распространения. Напротив, эти сказания приобретали все возрастающую популярность как минимум с VI в., с писистратовских времен²⁷. Можно, конечно, сказать, что Тесей не мог быть изображен в «Просительницах» по соображениям сюжета: ведь он не являлся персонажем мифа о Данаидах, действие которого разворачивалось на несколько героических

La classe politique à Athènes au IVeme siècle // Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v. Chr. Stuttgart, 1992. P. 67–77.

²⁵ Роль политических лидеров в системе афинской демократии, на наш взгляд, склонен несколько недооценивать Дж. Обер, автор ряда весьма интересных работ об общественной жизни в классических Афинах (*Ober J. Mass and Elite in Democratic Athens*. Princeton, 1989; *idem*. The Athenian Revolution: Essays on Ancient Greek Democracy and Political Theory. Princeton, 1999). В целом справедливо полемизируя с тенденцией связывать все достижения афинян с деяниями «великих людей», временами он впадает в противоположную крайность, видя в важнейших эпизодах афинской истории (в том числе, например, и в самом клисфеновском перевороте 510–507 гг. до н.э., приведшем к установлению народовластия) лишь действия безликой массы демоса. Для более взвешенного подхода см. Фролов Э.Д. Политические лидеры афинской демократии (опыт типологической характеристики) // Политические деятели античности, средневековья и Нового времени. Л., 1983. С. 6–22; Карпюк С.Г. Клисфеновские реформы и их роль в социально-политической борьбе в позднеархаических Афинах // ВДИ. 1986. № 1. С. 17–35; Bengtson H. Griechische Staatsmänner des 5. und 4. Jahrhunderts v. Chr. München, 1983; Strauss B.S. Athens after the Peloponnesian War: Class, Faction and Policy, 403–386 B.C. Croom Helm, 1986; Mossé. La classe politique...; Karpyuk S. Crowd in Archaic and Classical Greece // Hyperboreus. 2000. 6. 1. P. 79–102.

²⁶ Интересно, что только в условиях политической культуры, ориентированной на одного, максимум нескольких лидеров, был возможен такой специфический институт, как ostracism. Он выходит из употребления именно тогда, когда сходит на нет «парадигма простата».

²⁷ Dugas Ch. L'évolution de la légende de Thésée // REG. 1943. 56. P. 1–24; Sourvinou-Inwood Ch. Theseus Lifting the Rock and a Cup near the Pithos Painter // JHS. 1971. 91. P. 97; Τιβέριος Μ. Θησεύς καί Παναθήναια // The Archaeology of Athens and Attica under the Democracy. Oxf., 1994. P. 135; Немировский А.И. Политическая актуализация мифа о Тесее // Античность и современность. М., 1991. С. 37. Наиболее подробно об эволюции мифологического образа Тесея в Афинах см. Calame C. Thésée et l'imaginaire athénien: Légende et culte en Grèce antique. Lausanne, 1990.

поколений раньше его жизни. И это, безусловно, верно, но, как нам представляется, содержит лишь частичный ответ на поставленный вопрос.

Дело в том, что в целом в творчестве Эсхила заметна как бы некая «отчужденность» от образа самого прославленного афинского героя. В сохранившемся наследии драматурга Тесея упомянут всего лишь трижды. Все три упоминания – в «Эвменидах» и все три абсолютно нейтральны, без каких-либо следов особого пиетета перед героем: очень кратко говорится о «детях Тесея» (Aeschyl. Eum. 402), о войне Тесея с Амазонками (ibid. 686), о «земле Тесеевой» (ibid. 1026)²⁸. Для сравнения укажем, что в произведениях Софокла (а от него, как и от Эсхила, дошли 7 трагедий) Тесей упоминается не менее 16 раз.

Насколько можно судить, причина описанного положения вещей коренится в одной особенности идеологической борьбы в Афинах времени создания «Просительниц», а именно в том обстоятельстве, что в 460-е годы до н.э. мифология Тесея активнейшим образом эксплуатировалась Кимоном²⁹. С помпой организовав перенесение «останков Тесея» со Скироса в Афины, Кимон фактически поставил этого древнего героя на службу себе и своей политике. В этот период стали актуализироваться те из мифов о Тесее, которые в большей степени подчеркивали аспект, связанный с морской мощью Афин, с борьбой против варварского мира и т.п., т.е. имевшие прямое отношение к политической программе Кимона. В подобных условиях авторы, солидарные с противоборствующей Кимону группировкой, просто не могли обращаться в своих произведениях к тесеевской мифологии: этим они косвенно делали бы «политическую рекламу» не кому иному, как самому Кимону³⁰. Очевидно, по этой причине Эсхил (как мы видели выше, выступавший в роли союзника Перикла) не был склонен изображать в своих трагедиях Тесея. Что же касается собственно царя Пеласага, то – позволим себе в самой осторожной форме и ни в коей мере не настаивая на своей правоте, высказать, может быть, чрезмерно смелую гипотезу – не вызвано ли его появление на сцене эсхиливского трагического театра, причем в парадигматичной роли «демократичного монарха», некоторым созвучием его имени с именем Перикла?

Как бы то ни было, трагедия «Просительницы» должна рассматриваться в том же контексте, что и несколько более поздние «Эвмениды», – как свидетельство борьбы между политическими группировками Кимона и Перикла, борьбы, одним из центральных пунктов которой был вопрос о дальнейшей демократизации афинского полиса. Может, правда, вызвать сомнение, что Перикл уже к 463 г. до н.э. являлся главным соперником Кимона и был настолько влиятелен, что мог восприниматься драматургом и зрителями как актуальный или потенциальный простат. Ведь традиционно считается, что Перикл занял положение «первого гражданина» лишь в 440-е годы. Однако сомнения эти, на наш взгляд, не вполне основательны. Перикл выступил на политическую арену еще в конце 470-х годов. Около 464–463 гг. до н.э., то есть именно в период постановки «Просительниц», он (очевидно, впервые в своей жизни) был стратегом³¹, иными словами, занимал одну из высших государственных должно-

²⁸ Тесей упоминается, кроме того, в одном фрагменте Эсхила – из недошедшей трагедии «Элевсинцы» (Aeschyl. fr. 268 Mette).

²⁹ Sourvinou-Inwood. Op. cit. P. 108; Podlecki A.J. Cimon, Skyros and 'Theseus' Bones' // JHS. 1971. 91. P. 141–143; Delvoye Ch. Art et politique à Athènes à l'époque de Cimon // Le monde grec: Hommage à Claire Préaux. Bruxelles, 1978. P. 801–807; Shapiro H.A. Theseus in Kimonian Athens: The Iconography of Empire // Mediterranean Historical Review. 1992. 7. 1. P. 29–49; idem. Religion and Politics in Democratic Athens // The Archaeology of Athens and Attica under the Democracy. Oxf., 1994. P. 126; Versnel H.S. Religion and Democracy // Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v.Chr. Stuttgart. 1995. S. 382; Connor W.R. Theseus and his City // Religion and Power in the Ancient Greek World. Uppsala, 1996. P. 115–120.

³⁰ Сказанное, разумеется, ни в коей мере не отрицает того факта, что впоследствии, значительно позже, и Перикл активно обращался к образу Тесея, используя его в собственных интересах. См. Суриков И.Е. Перикл, Амик и амазонки // Из истории античного общества. Вып. 6. Нижний Новгород, 1999. С. 147–152.

³¹ Badian E. From Plataea to Potidaea: Studies in the History and Historiography of the Pentecontaetia. Baltimore, 1993. P. 13–14; 101; Суриков. Из истории греческой аристократии... С. 194–195.

стей. В период суда над Кимоном, имевшего место в те же годы, именно Перикл рассматривался как его наиболее опасный и влиятельный обвинитель (Plut. Cim. 14; Pericl. 10). Не забудем и о том, что ряд античных авторов (Arist. Pol. 1274 a 10; Ath. pol. 27.1; Plut. Pericl. 9; Mor. 812 d) называет именно Перикла реальным инициатором реформы ареопага в 462 г., а Эфиальта – лишь непосредственным исполнителем этой акции. Данная традиция обычно воспринимается со скептицизмом³², но, на наш взгляд, заслуживает более внимательного отношения. Характерно, что ни один из авторов классической эпохи, вплоть до Аристотеля (Ath. pol. 25), не упоминает даже имени Эфиальта как демократического лидера или просто видного политика.

Кстати, об ареопаге. Резонно ожидать, что в «Просительницах», поставленных незадолго до его реформы, когда в Афинах, вне всякого сомнения, уже шли дебаты по этому поводу, обнаружатся соответствующие реминисценции. И, кажется, наши ожидания оправдываются. В песне хора, прославляющей жизнь демократического полиса, упоминается совет старейшин (Suppl. 667 sqq.), главную задачу которого драматург видит в охране «древнего закона» (πολιὼ νόμῳ), то есть в номофилаксии и исполнении судебных функций. Таким образом, пафос данного отрывка точно тот же, что и в «Эвменидах»: поэт прославляет ареопаг, но именно в том его виде, который предполагала реформа 462 г. Эсхил и в этом отношении, как мы видим, оказывается сторонником Перикла и его политики.

Наконец, стоит кратко остановиться и на вопросе: отразилась ли в «Просительницах» не только внутриполитическая, но и внешнеполитическая проблематика, и если да, то каким образом? Ответ на этот вопрос, как нам представляется, позволяет дать дважды повторяющееся в тексте трагедии утверждение, что помощь Данаидам приведет Аргос к «новой войне» (νέον πόλεμον) с сыновьями Египта (Suppl. 342, 950). Определение «новая» выглядит никак не обусловленным сюжетом: ведь никакой войны с Египтиадами Аргос до того еще не вел³³. Все становится на места, если мы обратимся к внешнеполитическому контексту постановки «Просительниц». Незадолго до нее, в 465 г. до н.э., был заключен первый «Каллиев мир» Афин с Персией³⁴, подведший итог целому большому периоду Греко-персидских войн. Следовательно, когда трагедия Эсхила шла на афинской сцене, полис официально находился в мирных отношениях с Ахеменидской державой. Однако мир был непрочным, и на горизонте действительно брезжила «новая война». Яблоком раздора на сей раз оказался восставший против персидского владычества Египет. Ливийский династ Инар, провозгласивший себя независимым правителем этого древнего царства и принявший титул фараона, обратился за помощью в Афины. Как известно, афиняне откликнулись на его просьбу отправкой в дельту Нила мощного флота, впоследствии разгромленного персами. Начало египетской экспедиции относится к 460/59 г. до н.э.³⁵ Однако уже было высказано аргументированное предположение, что Инар захватил власть в Египте на несколько лет раньше, сразу после смерти Ксеркса, в ходе традиционных в таких случаях для Персии смут по поводу престолонаследия, т.е. уже к 463 г. до н.э.³⁶ Вероятно, тогда же от него впервые поступила в Афины просьба о военной помощи. В подобном контексте «Просительницы» Эсхила с их пафосом защиты обиженных и гонимых могут быть трактованы как призыв оказать поддержку восставшим егип-

³² См. к этой проблеме: Суриков. Афинский ареопаг... С. 36.

³³ Мнение, согласно которому данное выражение следует понимать как «война с неопределенным исходом» (Ярхо В.Н. Размышление и решение Пеласага в трагедии Эсхила «Молящие» // Вопросы античной литературы и классической филологии. М., 1966. С. 100), представляется нам надуманным и не очень убедительным.

³⁴ Историчность этого мирного договора, заключенного, возможно, еще в конце правления Ксеркса, убедительно доказал Э. Бадиан (Op. cit. P. 1–72).

³⁵ Ibid. P. 101. Чуть более раннюю дату предполагает В.М. Строецкий: Полис и империя в классической Греции. Нижний Новгород, 1991. С. 121–122.

³⁶ Борухович В.Г. Египет и греки в VI–V веках до н.э. // Уч. зап. Горьковского гос. ун-та. Серия история. Вып. 67. Горький, 1965. С. 124.

тянам. Таким образом, и в области внешней политики Эсхил выступил как союзник Перикла и демократической группировки (именно она стояла у власти в Афинах в период ostracism Кимона, а тогда-то и велись военные действия в Египте).

Та же демократическая группировка инициировала в 461 г. до н.э. союз Афин с Аргосом – единственным из крупных центров Пелопоннеса, который был традиционно анτισпартански настроен. Этот альянс влек за собой для афинян определенные сложности с точки зрения общегреческого общественного мнения: ведь Аргос еще совсем недавно запятнал себя проперсидской позицией в годину похода Ксеркса и в какой-то степени попал в категорию «полисов-изгоев». Соответственно Эсхил в «Просительницах» пытается в какой-то степени освободить аргивян от тяготевших над ними обвинений. Он воспекает древнюю славу Аргоса, подчеркивает демократический характер его государственных институтов. Вряд ли стоит считать, как иногда делается³⁷, что главной целью интересующей нас драмы была подготовка афино-аргосской коалиции. Однако, насколько можно судить, и этот аспект, помимо всех прочих, в ней тоже присутствовал.

Подводя итог вышесказанному, следует подчеркнуть, что трагедия Эсхила «Просительницы» оказывается важным историческим источником, свидетельствующим о политической и идеологической борьбе в Афинах на одном из самых напряженных хронологических отрезков и в этом своем произведении, как и в ряде других, занимал вполне определенную политическую позицию, являясь сторонником демократической группировки, возглавлявшейся Периклом.

AESCHYLUS' «SUPPLICANTS» AND POLITICAL CONFLICT IN ATHENS

I.Ye. Surikov

The publication of a text on papyrus with didascalia to the tragedy «Suppliants» in 1952 revealed that this play was not the earliest of Aeschylus' preserved works, as earlier thought, but should be dated from the 460s BC (most likely about 463 BC). Nevertheless, «Suppliants» remains among the oldest narrative monuments of antiquity exploring problems largely concerned with ideas connected to democracy. Written during a time of sharp conflict between the political groups of Cimon and Pericles, «Suppliants» indicates in the character of its allusions to the social life of Athens that Aeschylus supported the democratic policies of Pericles. The drama also contains allusive hints to the context of its production, in particular, to the preparation of Athens' maritime expedition to Egypt.

³⁷ Например: *Kritzas*. Op. cit. P. 240.